

ГЕНРИХ ГОПЕ

С
Р
Е
Д
И
З
Е
М
К
А

Морякам - средиземноморцам посвящается!

Генрих Гоппе

Средиземка

«Издательские решения»

Голе Г. П.

Средиземка / Г. П. Голе — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-984303-6

Повесть о советских моряках-средиземноморцах. Леха Переверзнев попадает служить в Средиземноморскую Эскадру. Его ждут суровые испытания.

ISBN 978-5-44-984303-6

© Голе Г. П.
© Издательские решения

Средиземка

Генрих Павлович Гоге

Иллюстратор ГЕНРИХ ГОПЕ

Дизайнер обложки ГЕНРИХ ГОПЕ

Редактор Татьяна Дымбовская

© Генрих Павлович Гоге, 2020

© ГЕНРИХ ГОПЕ, иллюстрации, 2020

© ГЕНРИХ ГОПЕ, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-4303-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Обложка: Генрих Гоге

Морякам 5 ОПЭСК – посвящается!

© 2020 Генрих Гоге

Средиземка

Глава первая

Виктор Котельников

Говорят, что море – это йод.

Ну так что ж, тогда совсем не странно,

Что когда беда ко мне придет,

Буду морем врачевать я раны.

(Неизвестный автор)

Леша был очень послушным и старательным моряком. Одно обстоятельство не давало ему служить спокойно и без приключений: все считали его глупым. Да, в общем, слово «глупый» даже и не подходит, а другое я написать не могу – цензура не пропустит. Алексей в свои девятнадцать лет не умел делить и умножать, хотя имел за спиной десять классов советской средней школы. И, что немаловажно, получил настоящий аттестат зрелости. Как он его получил, не знает никто, даже, наверное, и он сам. Но самое интересное, что попал он с таким багажом знаний служить на корабль. Кто-то может подумать, что я пишу о моряке, который ходил вместе с Христофором Колумбом на «Пинте» открывать Америку. Нет, уважаемый читатель, это рассказ о советском моряке Алексее Ивановиче Переверзневле, уроженце села Трофимовка Мордовской АССР.

Корабль, куда попал наш герой, назывался ПБПЛ (плавбаза подводных лодок) «Виктор Котельников», названный в честь героя-подводника. Это был корабль второго ранга, и в его задачи входило обеспечение всем необходимым подводных лодок, находящихся в водах Средиземного моря. А заодно он был флагманским кораблем, то есть – на нем находился штаб Средиземноморской эскадры. Но пока он стоял у «стенки» на ремонте в городе-герое Севастополе.

Леша никогда в жизни не видел корабля больше, чем плоскодонка соседа Ивана Кузьмича, потому что лодки больше, чем у Кузьмича, в селе ни у кого не было. Ее даже прозвали линкор «Императрица Мария». Кто такая «императрица», Леха не знал, а вот про Марию догадался: это учительница сельская, Мария Михайловна, ее Кузьмич часто на пруду катал по весне. Наверное, поэтому и назвал «Мария», но почему «Императрица» – Леха никак не мог сообразить. Всех жителей села Леша переписал в общую тетрадь – нет никого с именем таким. Пошел на кладбище, переписал всех умерших – тоже ничего похожего. Так бы и мучился человек, если бы не повестка в армию. И загремел наш Алексей на три года в Военно-Морской Флот. Сначала он попал в учебный отряд в городе Ломоносов под Ленинградом. Там его полгода учили на радиометриста и даже выучили, но вот вылечить так и не смогли.

Первая встреча с кораблем прошла очень интересно и больно. Интересно потому, что на корабле Леша никогда не был, а больно было оттого, что вели его в кубрик по центральному проходу. И когда он шел, все стоящие там годки (матросы, отслужившие 2,5 года) не могли удержаться от радости, что к ним привели еще одного духа (матрос, отслуживший полгода). Радость эту они выражали сильным ударом ему под зад ногой и громким хохотом. В итоге, пройдя этот короткий, но трудный маршрут, Алексей понял всем своим телом, что сидеть он не будет долго.

Ему немного повезло, что шел он не один, и часть радостных приветствий с ним разделили еще трое молодых матросов. Но вот наконец они спустились в кубрик. Старшина, который их привел, весело закричал:

– Становись! Духи идут!

После его команды к ним подошли четыре матроса. Глядя на них, Леше стало как-то страшновато. Уж больно они были злые на вид. Он закрыл глаза, набрал полные легкие воздуха и приготовился к удару. Но удара не последовало, а по кубрику прокатился громкий хохот. Леха не поддался на провокацию и глаза не открыл. Тогда один из годков подошел к нему, обнял и шепнул на ухо:

– Добро пожаловать, товарищ матрос. Не бойся, здесь тебя никто не обидит. Здесь живут добрые дяди.

После этих слов в кубрике снова раздался хохот. Леша понял, что пока его бить не будут, и открыл глаза. Перед ним стоял огромного размера человек. Хотя человеком-то его назвать было трудно – уж больно он был похож на быка. Да-да, того самого быка, которого Леша видел в колхозном коровнике. Единственное, чего ему не хватало – так это кольца в ноздрях.

«Наверно, снял временно» – подумал Леша. И как-то после этих мыслей ему стало спокойней на душе. Он приобрел какую-то внутреннюю уверенность в себе, и страх моментально исчез.

И в самом деле, никто бить их не собирался. Наоборот, всех четверых посадили на рундуки (шкафчик-кровать) и стали задавать вопросы. В основном спрашивали, кто откуда родом, и если в кубрике находился чей-то земляк, радости его не было предела. Он уводил духа в конец кубрика, и там они долго беседовали о своей маленькой Родине. Но нашему герою не повезло, у него на корабле земляков не оказалось. А это означало, что служба у него будет тяжелой и без поблажек. Одно доставляло удовольствие – гордость за то, что он единственный за всю историю человек из села Трофимовка, который попал служить на корабль. В итоге через некоторое время Алексей остался сидеть один. И хотя физическая боль очень мучила нижнюю часть тела, встать он не решался. Так и просидел он до самого вечернего построения с огромной гордостью за Трофимовку и с благодарностью судьбе за то, что она послала его служить на военный корабль.

После вечернего построения вся команда разошлась по кубрикам. Молодым матросам показали, где их койки и приказали через 5 минут заснуть. Что они незамедлительно сделали.

День так вымотал их физически и психологически, что все действительно через пару минут уже спали.

Засыпая, наш герой успел подумать: как хорошо, что он попал служить именно на этот корабль. Что завтра он обязательно напишет маме, как ему повезло. Последнее, что он успел запомнить, отправляясь в мир сновидений – это то, как чей-то грубый голос сказал:

– Радченко, ночью разбудишь духов на картофан...

2

И приснился Алексею замечательный сон. Идет он по деревне в морской форме, с дипломатом в руках, на плечах блестят погоны главстаршины. Вся деревня вышла посмотреть на первого в истории Трофимовки моряка. А когда он сворачивает к своему дому, навстречу к нему выходит самая красивая девушка деревни – Аня Молотова. Леша смутился, сделал шаг в сторону, чтобы уступить ей дорогу. Но Аня подошла вплотную, нежно положила свои руки ему на плечи и крепко поцеловала в губы. Лешу раньше никто так не целовал, если, конечно, не считать поцелуя от председателя колхоза Михалыча на проводах. Но от того поцелуя его чуть не стошнило. Уж больно сильно от Михалыча несло перегаром и чесноком. А от Ани – другое дело, от ее губ исходил приятный, давно забытый вкус семечек. И Алексей почувствовал, что с телом его стали происходить непонятные изменения. Голова закружилась, сердце забилось с бешеной скоростью, ноги подкосились. И он, наверное, упал бы, если бы Аня не оторвалась от его губ. Она прижала свои ладони к его щекам, посмотрела в глаза и грубым мужским голосом сказала:

– Душара, вставай!

Он удивленно посмотрел на нее и спросил:

– Анечка, что с твоим голосом?

– Я те сейчас покажу Анечку, карась жареный. Вставай картошку чистить, – снова раздался мужской голос.

Леша открыл глаза и увидел перед собой все то же страшное лицо. Лицо изобразило что-то похожее на улыбку и сказало:

– Даю одну минуту на сбор! Время ноль!

Леша не стал испытывать судьбу, вскочил с люльки (кровать) и начал быстро одеваться. Все-таки полгода, проведенные в учебном отряде, не прошли даром. Там он очень хорошо усвоил, что повторять на флоте два раза не любят. И если ты не выполнил приказ старослужащего, то за этим последует очень суровое физическое наказание.

Поэтому ровно через 55 секунд он уже стоял одетый, чем даже немного расстроил будившего.

– Тебе повезло, зэма (обращение к моряку), – недовольно пробурчал он. Повернулся к нему спиной и скомандовал:

– Пошли со мной!

И все молодые матросы, а их было шесть человек (четыре духа и два карася), послушно пошли за ним. Пока они продвигались к месту назначения, Алексей узнал, что это страшное лицо имеет имя и фамилию – Алексей Радченко. Был он полторашником и отвечал в кубрике за порядок, который, в свою очередь, обеспечивали духи и караси (матросы, отслужившие год).

3

Радченко привел их на камбуз. Посередине камбуза стояли две баночки (стулья), а между ними ванна с водой, рядом с ней в баках – картошка. Он приказал всем взять ножи и сесть, что, естественно, сразу было сделано.

– Так, карасня, – «ласково» обратился он к ним. – Нам надо начистить полванны картофана. Ясно?

И не дожидаясь ответа, продолжил:

– А я очень люблю спать, но меня подорвали из-за вас с люльки, и это означает, что я не выплусь, как следует. Поэтому, чем быстрее мы почистим картошку, тем лучше для вас и приятней для меня. Время пошло!

После этих слов он сел, взял в руки нож и стал чистить картошку.

Леша сидел напротив и очень удивился, как его тезка чистил картофан. Он делал это так быстро и ловко, что мог бы, наверное, сам за пару часов всю ванну перечистить. У Лехи еще мелькнула мысль:

«Зачем было нас будить, если сам мог справиться?»

Но Радченко успевал не только чистить, он умудрялся поглядывать за скоростью работы своих духов. И естественно, первый взгляд упал на нашего героя, так как он выбрал самое опасное для жизни место – напротив полторашника.

Через пять минут работы Радченко посмотрел на Леху и грубо сказал:

– Карасина, очень медленно чистишь. Пока ты одну почистил, я уже две успел. Картошку надо крутить, понял?

И в этом коротком слове «понял» было что-то настораживающее и пугающее. У Лехи затряслись руки, он схватил картошку и стал лихорадочно ее крутить. Но от страха получалось еще медленней. Это заметил Радченко. Лицо у него стало багровым, он вскочил с баночки и заорал на Леху:

– Встань!

Алексей встал.

– Я сказал крутить! – Заорал полторашник и со всей силы ударил Леху в грудь. Леша не ожидал удара, потерял равновесие и перелетел через баночку. Ему повезло, что возле переборки была рассыпана картошка, иначе голова была бы разбита. Дыхание у него перехватило, и он стал задыхаться.

Радченко подскочил к нему, схватил за робу, притащил к банке и посадил. Голова у Лехи гудела от удара. Он посмотрел на своего обидчика. Радченко улыбался всеми оставшимися зубами (половину зубов он потерял в первый год службы).

– Ну как, будем крутить или еще полетать желаем? – обратился он ко всем.

– Будем, будем, – моментально ответили караси.

– Тогда быстро сели – и за работу! – отрезал он.

После такого наглядного урока работа пошла значительно быстрее. Через час ванна была наполовину заполнена очищенной картошкой. Правда, за этот час Алексей успел еще два раза перелететь через банку. А карась, который точил ножи, один раз тоже составил ему компанию. Полторашнику показалось, что ножи тупые.

Радченко ушел спать, приказав духам все убрать и помыть. Через полчаса уборка была сделана, и духи пошли в кубрик. Леха шел по центральному проходу последним. Грудь у него горела огнем, затылок болел. Ему было очень больно, так больно, что хотелось зареветь. Одна мысль его удерживала от плача и помогла выдержать эти довольно сильные удары тетки: что он – первый моряк на деревне, и когда он вернется, Аня Молотова обязательно его поцелует, как во сне!

Так и пролежал Алексей с открытыми глазами до подъема – с болью в душе и с надеждой на новый день. Одно он решил твердо: матери напишет, что попал на замечательный корабль с очень веселой и заботливой командой.

Но вот, наконец, из «трансляшки» прозвучал голос:

– Команде, вставать!

Заиграл гимн Советского Союза. Весь кубрик проснулся и стал одеваться, кроме гражданских (матрос, отслуживший 3 года). Те даже не шевельнулись в своих койках и продолжали спать. Гимн сменила песня «С добрым утром, Москва». Очень хорошая песня, которую Леша слушал каждый день с начала своей службы. Она ему до боли надоела, так надоела, что он с удовольствием сровнял бы с асфальтом и эту Москву, и автора этой песни, хотя ни город, ни автор ни в чем не виноваты.

Проиграв до конца всеми «любимую» песенку, «трансляшка» сообщила:

– Форма одежды на физзарядку – голый торс.

После этой команды все направились к выходу. Физзарядка на корабле происходила на шкафуте. Пространства там было мало, поэтому бежать приходилось на месте. Леша очень обрадовался этому обстоятельству, потому что в учебке их заставляли бегать вокруг плаца, и к концу этого мероприятия новобранцы еле волочили ноги. А кто отстал во время бега от основной массы, тот после обеда занимался два часа строевой подготовкой.

А тут – благодать! Бежишь себе на месте под музыку и ни от кого не отстаешь. И музыка была такая хорошая, что даже у Леша поднялось настроение, несмотря на ночные кошмары. Когда музыка закончилась, а вместе с ней и физзарядка, все пошли умываться. Пока наш герой мылся, в кубрик принесли завтрак. Леша очень удивился, что у него не отобрали масло, как это делали в учебке. А еще больше удивился, когда один из старых матросов отдал ему свою порцию. После этого проявления доброты со стороны годка у Алексея на душе совсем полегчало. И то, что произошло ночью, – казалось теперь кошмарным сном, и не более.

После завтрака на корабле началась утренняя приборка. Приборка на корабле – это очень важное мероприятие, можно сказать – традиция. Во время приборки не спит никто, даже гражданские. Они тоже присутствуют на ней. Правда, сами ничего не делают, но все равно присутствуют. И чтобы как-то убить время, начинают обучать молодых, кто словом, а кто делом – то есть кулаком или пинком под зад.

На этот раз Лехе повезло. Ему достался спокойный наставник. Звали его Сергей, ему оставалось служить каких-то две-три недели. Он позвал к себе Лешу и приказал идти следом. Когда они пришли на шкафут, Сергей объяснил, что отныне это будет Лешино место приборки. И первое, что надо уметь – это швабрит палубу. Он взял в руки огромную швабру и сказал:

– Перед тем как швабрит, ее надо помыть. Пойдем со мной, покажу, где это делается. –

И направился к трапу. Леша последовал за ним. Они спустились по трапу на стенку. Сергей подошел к воде, опустил в нее швабру и сильными движениями вверх-вниз стал полоскать. Леша внимательно следил за его действиями, стараясь не пропустить ни одной тонкости. Когда Сергей закончил полоскать, то протянул швабру Лехе и сказал:

– Ну, теперь попробуй сам.

Алексей с радостью взял швабру и, опустив в воду, стал что есть силы полоскать. Он очень хотел доказать годку, что не зря провел полгода в учебном отряде, и из него выйдет хороший моряк. Но после очередного раза, когда Леха резко опустил швабру вниз и рванул ее наверх, та почему-то не оказала сопротивления воде. Леша потерял равновесие и упал на землю. Не понимая, что произошло, он посмотрел на орудие приборки, которое, несмотря на падение, не выпустил из рук. В руках у него была одна палка, а швабра куда-то бесследно исчезла. «Все! Сейчас будет бить!» – первая мысль, которая посетила Лехину голову после падения, и он морально приготовился к заслуженному наказанию. Но вместо удара почувствовал, как Сергей схватил его за руку и поднял на ноги:

– Ничего страшного, бывает хуже, но реже. Сейчас научу тебя швабру делать. Пойдем на коробку. – сказал он.

Они поднялись на корабль. Сергей взял на камбузе нож, приказал Лехе ждать его на шкафуте, а сам пошел на бак (нос корабля).

Через минут пять он вернулся, держа в руках большой кусок каната. Быстро его распустил, положил на конец палки, затем вытащил из кармана капроновый шнур и крепко привязал распущенный канат к палке. Леха и глазом не успел моргнуть, как швабра была готова. Серега вручил Леше швабру и пожелал не утопить ее снова.

Но этого он мог и не говорить. Алексей полоскал швабру с особой нежностью, двумя руками, многократно повторяя про себя «Отче наш», – единственную молитву, которую он знал, и то благодаря своему деду Егору. Он всего за год с помощью божьего слова и розги заставил Леху запомнить эту молитву на всю оставшуюся жизнь.

5

Но вот полоскание швабры закончилось, и Леша подошел к Сергею, улыбаясь и держа швабру в правой руке.

– Что дальше делать? – спросил он.

– А дальше – начнем швабрить палубу, – ответил Сергей. – Сегодня суббота, а это значит – большая приборка на корабле. Продлится она до обеда. Мыть надо все очень тщательно, с большим энтузиазмом и старанием, потому что проверять качество приборки будет старпом.

Нет никого страшнее из всех живых существ на корабле, чем старпом Зайцев. Боялись его все, начиная с духов и заканчивая «гражданскими», даже постоянные жители корабля – крысы – и те старались не попадаться ему на глаза.

В прошлом году одна такая крыса имела неосторожность перебежать дорогу Зайцеву. Увидев это, старпом задумался на два дня. Правда, перед этим успел объявить строгий выговор дежурному по кораблю старшему лейтенанту Козлову и на месяц запретил тому сход с корабля. Через два дня голову старпома посетила первая мысль. Он вызвал писаря и приказал издать приказ по кораблю.

Приказ гласил: «Кто принесет и покажет старпому 50 крысиных хвостов, тот получит 10 суток отпуска с выездом на Родину». Как только приказ огласили, на корабле началась тотальная охота на крыс. После отбоя спали только духи и караси, все остальные, вооружившись палками, всю ночь гоняли крыс. Бедным животным не было покоя. Их били на камбузе, в трюме, в кубриках, в каютах. В конце концов, через какой-то месяц крыса на «Котельникове» была занесена в красную книгу как исчезающий вид грызунов. А те, которые остались живы, сидели глубоко в трюме и старались оттуда не высовываться.

– Поэтому шутить со старпомом не стоит. Не советую никому, – закончил свой рассказ Сергей. – Я тебе покажу, как правильно швабрить, и – вперед. Времени у тебя много, поэтому не торопись, швабри качественно, не испытывай свою судьбу – не надо.

6

Он взял у Леша швабру и стал драить шкафут, чтобы Алексей запомнил правильные движения этого несложного орудия приборки. На половине борта остановился, отдал швабру Лехе и сказал:

– Ну, все! Дальше давай сам. И помни о старпоме!

Повернулся спиной и через мгновение скрылся за переборкой, ведущей в центральный проход.

Леша остался один со шваброй. В душе его появилась тревога. «Кто такой этот страшный человек старпом Зайцев? И почему его боятся крысы?» – задал сам себе вопрос Леша.

И неизвестно, как долго бы он размышлял об этом, если бы проходящий мимо незнакомый годок не заметил очень задумчивое лицо нашего героя. А годки на «Котельникове» очень не любили задумчивых лиц у духов и карасей. Сильный удар ботинком под зад мгновенно вернул Леху к реальности, а крик «На корабле большая приборка!» напомнил Лехе, где он находится.

Леша, не глядя на обидчика, сразу же нагнулся и стал швабрить. Он прошелся шваброй от начала и до конца шкафута примерно раз двадцать. Когда вернулся его учитель проверять сделанную работу, палуба на шкафуте блестела, как зеркало.

– Красота! – не скрывая восторга, оценил работу Сергей. – Молодец! Я и не думал, что мне такой толковый ученик попадется. Сейчас придет старпом проверять приборку, думаю, он останется очень доволен нами.

Слово «нами» он произнес особой интонацией. Леша от таких слов весь растаял и почувствовал, как за спиной у него выросли крылья. Чувство гордости за себя и за свою деревню снова вернулось, но долго этим наслаждаться не пришлось. На горизонте появился сам старпом в сопровождении дежурного по кораблю. Сергей и Леша замерли по стойке «смирно» вдоль переборки, при этом Алексей услышал за спиной хруст сломанных крыльев.

По шкафуту медленно, походкой Наполеона, шел сам старпом Зайцев. За ним, пригнувшись, следовал дежурный по кораблю. Они подошли к Алексею и Сергею. Старпом злым взглядом обвел матросов и снисходительно спросил:

– Кто старший приборка?

– Старший приборка матрос Стицурин, – четко доложил Сергей.

– Вы что это, товарищ матрос, никогда приборку на корабле не делали? А? Почему палуба не блестит? На гауптвахту захотели? Вашу мать! – далее последовал целый набор настоящих морских выражений, от которых у Лехи полностью отпали обломки крыльев. Ноги у него задрожали. Видно, Зайцев обладал не только командными свойствами, но еще был и телепатом, потому что сразу перевел взгляд на Алексея.

– А это что за чучело? – глядя в глаза Алексею, заорал старпом. – Почему плохо подстрижен?

Леша открыл рот, чтобы ответить, но не успел сказать ни слова, потому что старпом продолжал орать.

– Отставить, молчать! Дежурный по кораблю! Наказать обоих! Палубу помыть с мылом и щеткой!

И, не дожидаясь ответа, закинув руки за спину, продолжил шествие по кораблю. Дежурный поспешил за ним, все время повторяя:

– Есть. Так точно. Слушаюсь.

Как только старпом скрылся за переборкой, Серега громко выругался:

– Придурок, чтоб тебя акула сожрала.

Леха подумал, что эти слова относятся к нему, и ответил:

– Виноват, но я старался, как мог.

– Да нет, это я не тебе, а тому остолопу.

– Почему остолоп, это же был старпом.

– Старпом и остолоп – это синонимы, запомни раз и навсегда!

Что такое синонимы, Леша, конечно же, не знал, но спросить гражданского не решился. В словах Сергея было раздражение, а он не очень-то хотел испытать это раздражение на себе. Поэтому в этот раз Леха промолчал.

– Ты слышал приказ старпома, так что бери щетку, мыло и драй палубу, да так, чтобы не только мне понравилось, но и Зайчику тоже. Понял?

– Ага! – ответил Леха.

– Тогда вперед, с песней и пляской! Если меня будут искать, скажи – я на вахте, – дал указания гражданский и направился в сторону бака.

7

Леша взял мыло, щетку и принялся снова драить палубу. Не успел он помыть половину шкафута, как прозвучала команда:

– Закончить большую приборку!

Пришлось Алексею всю пену на палубе смывать, чтобы успеть на построение.

На построении старпом опять ругал всех и вся. Зайцев долго объяснял команде, что все они лентяи, мамочкины сыночки, и что его задача сделать из них настоящих моряков. А кто не захочет стать настоящим моряком, того он прямо с корабля отправит в дисциплинарный батальон.

В завершение своего выступления он с радостью объявил Сергею Стицуру 5 суток ареста. Не забыв при этом сказать про нестриженое чучело. И предупредил, что если еще раз увидит на корабле плохо постриженного матроса, то отправит его вслед за Стицуриным.

Выступление старпома так расстроило команду, что когда прозвучала команда дежурного «Разойдись!», какое-то время моряки стояли не шелохнувшись. И только повторный крик заставил их разбежаться по кубрикам.

Не успел Леша спуститься в кубрик, сразу же за ним зашел какой-то мичман. Он подозвал к себе Радченко и стал что-то ему говорить. Радченко внимательно выслушал, потом громко скомандовал:

– Переверзнев, Пэдуре! Ко мне!

Леха и еще один молодой матрос моментально подбежали к полторашнику.

– Вот, товарищ мичман, это Переверзнев и Пэдуре.

Мичман посмотрел на моряков, улыбнулся и сказал:

– Так, товарищи матросы! Я мичман Подплето, из штаба Средиземноморской эскадры. Хочу сообщить, что вам выпала огромная честь служить в штабе эскадры. Пока я буду оформлять ваши документы, будете находиться на «Котельникове». А когда все бумажные дела улажу, с первой оказией отправимся в Средиземное море. Все ясно?

– Так точно, товарищ мичман! – залпом ответили духи.

– Ну, раз ясно, то до скорой встречи! – попрощался Подплето и вышел из кубрика. В кубрике воцарилось молчание. Леха и Пэдуре стояли посередине кубрика, их лица сияли от радости. Мысленно они уже качались на волнах Средиземки.

– Ну, духи, пора вам вешаться, – нарушил молчание Радченко. – Теперь вы родной берег долго не увидите! И эти идиотские улыбки надолго исчезнут с ваших глупых лиц. Вы хоть знаете, что такое эскадра?

– Нет, не знаем, – ответили матросы.

– Эскадра, карасики, это вся служба в Средиземном море. Вы будете как цыгане с корабля на корабль прыгать со своими шмотками. А Союз увидите только после демобилизации. Я бы на вашем месте пошел к старпому и попросился в дисбат. Там, конечно, тоже несладко, зато на берегу.

Последние слова Радченко сказал даже как-то с сочувствием, что для него было большой редкостью. Сочувствия и сострадания к духам у него никогда не было. Тех, кто отслужил меньше него, он просто не считал людьми. К ним Радченко относился как к низшим существам. Хотя не так давно был таким же. Но для него это было забытое «давно», о котором он старался не вспоминать. Полторашник достал из рундука сигареты и вышел из кубрика «успокоить нервы», то есть покурить.

Молодые матросы остались одни. Леха посмотрел на товарища по несчастью, протянул руку и сказал:

– Меня Алексеем звать.

– А я Иван, – ответил матрос, пожимая Лешину руку.

В процессе разговора Леша узнал, что Иван Пэдуре из Молдавии. Где эта Молдавия, Леха Переверзнев не знал, но из рассказа Ивана понял, что это очень красивая страна и там много-много вина. И это вино там пьют утром и вечером вместо чая и дети, и взрослые. В конце рассказа Иван обещал Лехе, что после демобилизации они вместе поедут к нему домой. Спустятся в подвал, где хранится вино, и выйдут оттуда через год! Потому что столько вина, сколько у него в подвале – быстрее, чем за год – не выпить.

Алексей никогда в жизни не пил вино – считал это плохим занятием. Но после рассказа нового знакомого ему очень захотелось попробовать этого чудесного напитка. И на предложение Ивана погостить у него годик он с радостью согласился.

Пока они говорили, подошел еще один матрос. Он стоял рядом и слушал их разговор. Когда новые друзья закончили говорить, он обратился к ним:

– А я тоже в эскадру попал. Только в Индийский океан. Это намного дальше Средиземного моря. Я буду служить на такой же плавбазе с названием «Волга». Эта «Волга» там уже два года болтается. Давайте знакомиться. Меня Игорем зовут. Я с Украины, из города Чернигов.

Игорь протянул руку. Они поздоровались и стали рассказывать о себе. И так разговорились, что не заметили, как вернулся их общий «друг» Радченко.

Но Радченко, выкурив на баке две подряд сигареты «Ватра», полностью справился с мимолетной слабостью. Поэтому, когда увидел у себя под носом душевно беседующих духов, у него моментально сработал рефлекс полторашника. Он заорал на весь кубрик:

– А ну разбежались, караси немытые! Чтоб я вас до вечернего построения не видел и не слышал!

Духи со скоростью звука выскочили из кубрика. Когда они остановились на шкафуте, Иван спросил у Игоря:

– Ты давно на корабле?

– Уже вторую неделю, – ответил Игорь.

– Ты не знаешь, где тут санчасть? У меня голова болит, надо таблетку выпить.

– Знаю, могу даже показать.

– Я тоже зайду, – присоединился к Ивану Леха. – У меня что-то горло побаливает.

– Пойдем за мной, – позвал их Игорь и пошел в сторону кормы.

Друзья последовали за ним.

8

Через некоторое время они были около санчасти. Игорь остался снаружи, Леха с Иваном зашли внутрь.

За баком с лекарствами и пробирками сидели два огромных моряка.

«Доктора», – сообразил Леха.

Но, что странно, заметил он, они как две капли воды были похожи друг на друга. Он никогда не видел близнецов, а это как раз были два брата-близнеца Феоклистовы – Федя и Николай.

– Ну что, матросики, на что жалуемся? – участливо спросил Федя.

– Голова болит, – ответил Иван.

– А у меня горло, – добавил Леха.

– Так-с, голова и горло, – задумчиво произнес Федя. – Это очень, очень плохо, брат. Что будем делать? – обратился он к Николаю.

– Болезнь надо обязательно лечить, чтобы не заразить других людей. Я так думаю, брат, – ответил Николай.

– Правильно думаешь, брат. Ну, что ты будешь лечить: горло или голову? – спросил Федя.

– Ты же знаешь, я спец по головам, – уже улыбаясь, ответил Николай. – Иди ко мне, матросик, – позвал он Ваню. – Я твою головку попробую вылечить. Нельзя, чтобы головка у моряка болела.

– Садись на баночку и наклони голову, я у тебя температурку померяю.

Иван сел на банку и наклонил голову.

Николай размял пальцы, положил ладонь на голову, оттянул второй рукой средний палец и затем резко его отпустил. Получился сильный удар по голове, так называемый «фофан». В голове у Ивана зазвенело так, что он чуть не упал с банки. Сквозь звон послышался голос лекаря:

– Ну как, полегчало? Или еще таблеточку прописать?

– Не-е-а, – промямлил Иван.

– Ну, тогда ступай с богом и не болей. Болеть очень нехорошо.

Ваня встал и, качаясь, поплелся к выходу.

Леха с ужасом наблюдал за этой картиной. Увидев метод лечения, он решил поспешно удалиться вслед за Иваном, но не успел. Крепкие руки Федора сжали его как тиски.

– Ну, садись, посмотрим твое горлышко.

– Горлышко важнее головы. В горлышко ты ешь. А если не сможешь есть – умрешь, – спокойным голосом заговорил Федя. – Но мы этого не допустим. Сейчас мы его смажем замечательной мазью, и оно пройдет.

После слова «смажем» Леха успокоился и понял, что «фофан» его миновал.

– Покажи горлышко, матросик, – ласково попросил Николай.

Леша открыл рот. Николай взял палочку с ватой и стал мазать Лешино горло.

Горло защипало, но Леша терпел.

– Все готово! Я тебя, можно сказать, из могилы вытащил. Ступай к своему другу и не болей. А если что – приходи, помажем ещё.

Алексей ничего не ответил, так как горло у него горело огнем. Он пулей вылетел из санчасти.

Ваня и Игорь, увидев Лешу, выбегающего из санчасти с открытым ртом, спросили:

– Что случилось? Почему у тебя рот зелёный?

– Не-е-з-знаю! – с трудом ответил Леха и стал плевать за борт.

– Наверное, эти «братья Пироговы» ему горло зелёнкой помазали, – первым сообразил Иван.

Минут пять Алексей терпел боль. И когда горло немного отпустило, он посмотрел на своего друга по несчастью.

Иван чесал на макушке только что полученную шишку.

– А голова действительно уже не болит, – улыбаясь, сказал он.

– И у меня горло в порядке, – сказал Леха. И, сами не зная отчего, они стали хохотать.

Настроение друзей передалось Игорю, и он засмеялся с ними.

Насмеявшись вдоволь, они решили отметить свое излечение перекуром на баке.

К счастью молодых матросов, на баке никого из годков не было. Они спокойно закурили. Во время перекура взгляд Алексея упал на стоящую на крутом берегу беседку.

Солнце освещало ее так, что с корабля казалось, она окружена золотым ореолом. А внутри этого ореола выделялись два целующихся силуэта. Какая-то молодая пара пришла полюбоваться красотой бухты.

От лицезрения такой картины сердце у Алексея сжалось, голову пронзила страшная мысль: «А вдруг там Аня Молотова?»

И ему нестерпимо захотелось домой, проверить свою догадку. Он с грустью сказал:

– Эх, мужики, сейчас бы плюнуть на всю эту службу и махнуть домой, на гражданку.

– Куда махнуть? – изумился Игорь. – В Севастополе ты в форме и десять шагов не сделаешь. Тут кругом патрули. С «Котельникова» даже годки в увольнение не ходят. Бесполезно.

Те, кто пытался сходить в город, оказывались в лапах патруля однозначно. Патруль знал, к чему придраться. Вот и приходилось вместо увольнения строевыми в комендатуре заниматься, или на губе сидеть. Поэтому в город мало кто ходил. А тех, кто пытался сходить в увольнение, называли «камикадзами».

– А ты говоришь, на гражданку. Забудь о ней и не вспоминай. И с такими мыслями скорее в дисбате окажешься, чем на гражданке.

– Всё, ребята, пора сматываться. Годки идут, – прервал их Иван.

И действительно, по правому борту на бак шли три годка. Встреча с ними не входила в планы молодых матросов, поэтому они быстро покинули бак по левому борту.

На шкафуте Леша и Иван попрощались с Игорем и пошли в кубрик. Осторожно, не привлекая внимания Радченко, они затихарились в углу кубрика. Полторашик лежал на люльке и сладко спал, поэтому появление духов прошло для них самих безболезненно. Леша и Иван сели на рундук и, прислонившись спинами к переборке, задремали. Это было очень опасно. За сон в дневное время духов обязательно бы строго наказали, но бороться со сном они уже не могли – усталость победила страх.

9

Выходные прошли для Лехи без приключений. Корабль отдыхал, духи и караси работали.

Новая неделя началась довольно необычно. В понедельник после построения в кубрик пришел зам командира БЧ-7 (радиометристов) мичман Козлов (однофамилец ст. лейтенанта Козлова) и сообщил Сергею Стицуруну, чтобы он готовился к посещению гауптвахты.

– Во вторник утром я имею честь лично отвезти вас, товарищ матрос, в пятизвездочный отель города-героя Севастополь для последующего отдыха от нелегкой корабельной жизни. За пять суток отдыха вы полностью перестанете мечтать о гражданке и займетесь службой, – сострил мичман. – Так что готовьте форму одежды, завтра в 8. 30 я жду вас у трапа. Ясно?

– Так точно, – ответил Сергей. – Товарищ мичман, разрешите вопрос задать.

– Задавайте.

– А девочки там будут? – спросил Стицурун мичмана.

– Когда я тебя туда отведу, девочки тебе уже не понадобятся. Там тебе будет не до девочек. Я лично об этом позабочусь, – ответил Козлов и удалился.

И вот наступил вторник. Сергей попрощался с товарищами и отправился на губу. Мичман, улыбаясь, стоял у трапа.

– Ну, пойдем, остряк. Посмотрим на тебя через пять суток, как ты тогда шутить будешь.

Они спустились с корабля и пошли в комендатуру.

Начальник гауптвахты капитан-лейтенант Мурыжный был очень нехорошим человеком. Можно даже сказать – редиска. Он ненавидел всех, кого сажали на губу. Мало того, что он ненавидел их, он также плохо относился к сопровождающим. Разницы между наказуемым и тем, кто приводил, каплей не видел. И те, и другие мешали ему разгадывать кроссворды и читать любимый журнал «Крокодил».

Поэтому, оглядев двух очередных нарушителей спокойствия, он злобно приказал Сергею:

– Покажи носки.

Сергей сделал шаг правой ногой и задрал штанину.

– Так, носки неуставные, – сделал заключение Мурыжный. – Берите документы – и назад на корабль, приводить форму в порядок. Завтра в это же время ко мне, – сказав это, Мурыжный протянул документы мичману.

Мичман возражать не стал. Он знал, что шутки с комендантом заканчивались довольно трагично. Поэтому, отдав честь, они с Сергеем покинули комендатуру.

На корабле Козлов отругал Стицурина за нарушение формы одежды, применив при этом весь свой запас ругательных слов. И приказал к следующему посещению гауптвахты одеться строго по уставу.

В среду утром, в назначенный срок они стояли перед Мурыжным. Но комендант, к удивлению мичмана, не стал проверять носки. А взглянув на Сергея, спокойно сказал:

– Покажи трусы.

Сергей отстегнул две пуговицы штанов, которые у всех моряков расстегиваются сбоку, показал трусы.

– Да вы что, издеваться надо мной пришли, товарищ мичман?! – покраснев от злости, закричал каплей. – Вы чё это матроса на гауптвахту привели в неуставных трусах? А ну, оба бегом на корабль и привести форму одежды в порядок, мать вашу...

Тут Мурыжный не выдержал и дополнил свою речь целым комплектом морских выражений.

На корабль Козлов возвращался в очень нехорошем настроении. Он весь кипел от злости.

– Если ты, сукин сын, завтра на губу не попадешь, я тебя 31 июня домой отправлю. Ты у меня самый последний с корабля уйдешь и вспоминать будешь мичмана Козлова до самой смерти! – шипел он, потеряв от бешенства голос.

Утром третьего дня, перед очередным походом в комендатуру мичман лично проверил уставную форму у Стицурина. Трусы и носки строго соответствовали уставу, то есть были синими. Довольный собой, Козлов повел Сергея на губу, уже не сомневаясь в успехе этого мероприятия.

Но беда его была в том, что он недооценил коменданта. И когда Мурыжный увидел своих «знакомых», он встал, вытащил из ящика стола линейку и подошел к матросу. Линейкой каплей измерил расстояние от низа шинели до пола. Посмотрев на результат измерения, Мурыжный покраснел как кирпич и заорал на всю комендатуру:

– Почему длина шинели не соответствует уставу? Вы что, товарищ мичман, матроса не можете на гауптвахту привести? Или сами захотели к нам в камеру? Я вам это мигом устрою! Завтра, если еще нарушение найду – матроса отправлю на корабль, а вас арестую. Может, это научит вас относиться более ответственно к несению службы! А теперь вон отсюда, идите и готовьте свою форму одежды тоже, а я вам пока камеру похолоднее подберу!

Последние слова полностью сломали Козлова. Всю дорогу на корабль он молча плелся за Стицуриным. Поднявшись на корабль, он, ничего не говоря, побрел в свою каюту.

Примерно через час вахтенный матрос, проходя мимо каюты Козлова, заметил, что дверь приоткрыта. Естественно, он туда заглянул.

На полу каюты лежал мичман. Сообразив, что случилось что-то страшное, матрос побежал к дежурному.

Скорая успела вовремя, мичман был еще жив. Его срочно увезли в госпиталь.

После этого случая больше на корабле его никто не видел. Потом кто-то сказал, что Козлова списали со службы по состоянию здоровья. Но об этом никто не сожалел. Слишком много он доставил неприятностей своим подчиненным, чтобы ему сочувствовали.

В связи с этим событием о Стицурине забыли. И через неделю включили в список демобилизации. Он и еще 14 «гражданских» благополучно сошли на берег под звуки марша «Прощание славянки».

На прощание Сергей пожелал Лехе не принимать все близко к сердцу и постараться продержаться до конца службы. Затем пожал руку сослуживцам, отдал, по вечной флотской традиции, честь кораблю и спустился по трапу на берег.

Первый раз Алексей увидел мужские слезы. «Гражданские», прощаясь с кораблем, плакали.

«Странно, – подумал Леха. – Почему они плачут? Покидая это адское место, надо радоваться, а не плакать. Да разве может быть что-то лучше родного дома, тем более, это не больше, чем железный ящик, на котором тебя все время бьют и унижают. Нет, я уж точно плакать не буду. Было бы из-за чего плакать! Странные эти люди – „гражданские“. Наверно, у них с мозгами что-то не так».

10

Прошел почти месяц пребывания Алексея на корабле. От мичмана Подплето не было ни слуху, ни духу. И Леша даже как-то стал свыкаться с мыслью, что останется на «Котельникове» до конца службы. Он потихоньку приспособился к особенностям корабельной жизни и был даже немного доволен ею, если бы не одно ЧП.

Однажды после обеда к ним в кубрик забежал матрос из соседнего кубрика и, тяжело дыша, закричал:

– Помогите, дух повесился!

Все, кто был в кубрике, бросились к выходу. Леша тоже побежал с ними.

Когда они подбежали к месту происшествия, повешенного уже сняли. Корабельный врач, стоя на коленях, делал ему искусственное дыхание. Леша протиснулся через толпу и посмотрел на матроса. На палубе лежал Игорь. Какое-то время Алексей стоял как оглушенный. Он перестал слышать и соображать. Вокруг все суетились, кричали, но Леша стоял как вкопанный, все время повторяя про себя: «Игорь, Игорь, зачем, зачем?»

Кровь бешено стучала в висках. Он даже не заметил, как на носилках Игоря унесли на причал. Пришел в себя он только в кубрике.

Леша посмотрел на сидящего рядом с ним Ивана и произнес:

– Почему он это сделал?

Иван, опустив голову, молчал.

И тут Алексей увидел, что Ваня плачет. И у него вырвались слёзы, сердце схватила жгучая боль. Друг, с которым они так сошлись, решил покончить с собой. Почему не поделился с ними своими мыслями? Зачем так поступил?

Если б они знали, что он задумал, наверняка отговорили бы его от этого поступка. Мысль, что можно было спасти друга, но не удалось, еще больше заставляла их плакать.

Время на «Котельникове», казалось, остановилось. Матросы старались громко не разговаривать. Даже вахтенный, отбивая склянки, делал это как можно тише.

Вечером вернулся врач. По кораблю прошла новость, что Игорь еще живой, но не пришел в сознание. Эта новость немного успокоила друзей, хотя осадок от того, что произошло, остался.

Прошла неделя, но Игорь так и продолжал лежать в коме. На десятый день, не приходя в сознание, он умер. Служба для него закончилась, так толком и не успев начаться.

Кто-то потом говорил, что он дурак и слабак. Другие ругали его «маменькиным сыночком». А Алексей, когда слышал эти высказывания, с трудом сдерживал слезы и сжимал кулаки, говоря про себя: «Какая разница, кем он был, но был бы живым. Для своей матери он самый любимый и единственный сын, а теперь его нет. И в том, что Игоря не стало, виноваты вы, безмозглые бараны, с вашей проклятой годковщиной».

Ему было до боли жаль своего нового друга, но вернуть его он был не в силах. Недели две после смерти Игоря Леша ходил сам не свой. У него была апатия ко всему. Единственное, о чем он думал, это поскорее попасть в эту самую эскадру. Хотя, узнав обстоятельства смерти Игоря, Леша немного изменил представление о будущем месте службы.

Дело в том, что Игорю здорово «помогли» в кубрике годки. Они, узнав, куда он попал служить, рассказали ему о чудовищной годковщине на «Волге». Они так напугали Игоря, что после этого разговора он решил расстаться с жизнью. Ему не было еще и двадцати лет!

11

Несмотря на несчастный случай, служба на «Котельникове» продолжалась. Погруженный в работу на корабле, Алексей стал понемногу забывать о погибшем друге. За день он так уставал, что как только ложился в кровать, моментально засыпал. У него даже не было времени написать письмо домой.

Днем кроме работы ему приходилось заниматься изучением корабля. Естественно, изучал он его не по своей инициативе, а под чутким руководством «годков».

Каждый молодой матрос, попав на корабль, должен в течение месяца полностью узнать корабль, до каждого шпангоута. А чтобы молодые быстрее запоминали все морские названия, для них придумывали всякие приколы.

Однажды после обеда в кубрике Радченко подозвал Лешу и сказал:

– Дух, возьми чайник в баке и сбегай на клотик, принеси мне кипятка. Хочу чайку попить. Даю тебе пять минут. Время пошло.

Это «время пошло» на корабле означало то же самое, что для спортсменов-бегунов выстрел из пистолета. Не прошло и минуты, как Леха уже стоял с чайником на верхней палубе. Мимо него в это время проходил такой же, как он, молодой матрос.

– Ты не знаешь, где здесь клотик? – спросил его Алексей.

– Зачем тебе нужен клотик? – с недоумением спросил его моряк, глядя на чайник в руках Лехи.

– Да кипятка для полторашника набрать надо.

– Там, – ответил он улыбаясь и показывая пальцем на конец самой высокой мачты. – Это приколы, там кипятка не было и никогда не будет, – уже с сочувствием сказал матрос и удалился.

Леша с опущенной головой, с чайником в руках спустился в кубрик.

– Ну что, тормоз, принес кипятка? – хохоча, спросил Радченко.

Алексей молчал.

– За то, что рассмешил меня, сегодня бить не буду. Ну, а если еще раз попадешься на приколы – ответишь по всей строгости военного положения, – то ли серьезно, то ли в шутку закончил «полторашник».

И Леха, конечно же, попадался. И так часто, что Радченко в конце концов устал его бить. Он стал наказывать Леху работой в гальюне.

И слово «гальюн» наш герой запомнил на всю жизнь.

Но методы обучения Радченко не прошли даром. Через три недели Леха уже очень хорошо ориентировался на корабле и выучил все морские названия. Постоянные удары в грудь и тяжелая работа заставили мозг Алексея работать быстрее. В конце концов полторашник понял, что дальше «прихватывать», то есть гонять, этого духа нет смысла, и принялся обучать других молодых матросов. Для Лехи на корабле настала более спокойная служба. Если, конечно, службу молодого матроса на корабле можно считать спокойной. Полтора года жизнь у молодых очень тяжела и полна опасностей.

Как-то раз Леха познакомился с одним молодым матросом из кубрика мотористов. Звали нового знакомого Сулейман Сулейманов. Он был родом из Азербайджана. При разговоре с Алексеем он часто повторял, что к нему должен приехать брат.

Однажды Леха не вытерпел и спросил:

– Сулейман, твой брат младше тебя или старше?

– Старше, – ответил Сулейман.

– А сколько ему лет?

– Пятьдесят.

– ...?

– А маме сколько?

– Маме – восемьдесят.

– А сколько тогда отцу?

– Папе моему всего восемьдесят пять.

Леха остолбенел. Брат Сулеймана был старше матери Алексея.

Сулейман был очень веселым и добрым человеком. И Леша с ним быстро сдружился. Сулейман оказался единственным азербайджанцем на корабле, и годки дали ему кличку «Сулико».

Сулейман был родом с юга. И как у каждого нормального южанина, у него очень быстро росли борода и усы. А так как на корабле усы и бороду носить молодым запрещено, то ему приходилось бриться два раза в день. Однажды после обеда Леха и Сулейман зашли в умывальное помещение. Там над умывальниками висело маленькое полуразбитое зеркало. И Сулейман, увидев его, решил побриться. У Алексея усы почти не росли, а бороды не было даже в зародыше, поэтому он встал у самого крайнего умывальника, чтобы вымыть руки. Сулико тем временем намазком лицо и достал из футляра станок для бритья. В это время в помещение спустились три здоровых годка. Увидев бреющегося и улыбающегося Сулеймана (а Сулейман всегда улыбался, когда брился), один из них заорал:

– Сулико, ты что это бреешься возле моего зеркала?

Сулейман с недоумением повернулся к кричавшему. Но ответить не успел. Три сильных удара обрушились на его челюсть. Сулико согнулся от боли. Годок схватил его за робу, оттащил к выходу и на прощанье дал пинка.

Желание умываться у Алексея моментально пропало. Чтобы не привлечь внимание годков, он осторожно вышел вдоль переборки. После этого случая Сулико больше никогда не брился в умывальном помещении. Он это делал в помещении для хранения орудий приборки. Он заходил туда в свободное время, доставал из кармана станок и «на сухую» брился. Было очень неприятно, но безопасно.

12

Прошло три месяца пребывания Алексея на «Котельникове», а от мичмана Подплето не было никаких известий. И Леха уже перестал верить, что когда-нибудь покинет этот корабль. Но как всегда бывает, то, чего мы меньше ожидаем, всегда случается.

То же произошло с нашим героем. В одно солнечное воскресенье его и Пэдуре вызвал дежурный по кораблю и сообщил, что завтра они отправятся к постоянному месту своей службы. Приказал собрать свои вещи, а утром в 8.00 быть готовыми к отправке.

В понедельник утром на корабль поднялся Подплето. Леха и Пэдурэ с аттестатами (вещмешками) стояли у трапа. Мичман поздоровался с ними и сказал:

– Ну что, моряки, не надоело на берегу сидеть?

– Надоело, товарищ мичман, – ответил Иван.

– Ну, раз так, то пойдем со мной к новому месту службы. Сейчас отведу вас на другой корабль, а завтра на нем выйдем в море. Даю вам десять минут, чтобы попрощаться с друзьями. Через десять минут встречаемся на этом же месте.

Леха пошел в кубрик к Сулейману. Сулейман сидел на рундуке и чистил годку пряжку. Увидев Леху, одетого в парадную форму одежды, он улыбнулся:

– Куда это ты собрался, неужели в увольнение?

– Нет, Сулейман, я в эскадру ухожу. Пришел попрощаться.

– Как попрощаться, совсем уходишь?

– Да, насовсем.

– Ай-ай-ай, такой хороший друг меня покидает, что я теперь один буду делать? Мне без тебя совсем плохо будет, – с грустью сказал Сулико.

– Что сделаешь, служба есть служба. Но я тебе обещаю, как только прибуду в эскадру, сразу письмо напишу. А сейчас давай прощаться, может, больше никогда не увидимся.

Леха подошел к Сулейману, и они крепко обнялись. Попрощавшись, Леха вышел из кубрика и пошел к трапу. Иван был уже там. Мичман, оглядев их, скомандовал:

– За мной шагом марш!

И первым стал спускаться с трапа. За ним пошел Иван. Алексей уходил с корабля последним. Отдавая честь кораблю, он повернулся и в последний раз посмотрел на «Котельников». У борта увидел Сулеймана. Тот стоял и махал Лехе рукой. Леша тоже помахал ему. Уже спускаясь с трапа, Алексей краем глаза взглянул на обрыв, где стояла беседка. Там никого не было.

– Нет, это была не Аня, – успокоил себя Леха и шагнул на причал.

Глава вторая

Средиземное море

1

Я не позволю себя,
сорокалетнего мужика,
тереть головой об бак.
(мичман Бидяк)

Мичман привел моряков на другой корабль. Это был старенький сухогруз, ходивший под полувоенным флагом. Подчинялся корабль военным, но служили на нем гражданские моряки. Подплето сдал документы на Леху и Ивана вахтенному (дежурному), а сам сошел на берег. Перед тем, как уйти, он объяснил матросам, что теперь они подчиняются вахтенному, а Подплето прибудет на корабль вечером.

Вахтенный попросил их следовать за ним. Они спустились в большой трюм. Трюм был заполнен военными моряками, которые отдыхали на матрасах. Вахтенный показал Лехе и Ивану на два матраса в углу трюма и с улыбкой сказал:

– Это ваша каюта на время перехода. Завтрак, обед, ужин – по команде. Камбуз находится на верхней палубе. Будут вопросы – обращайтесь ко мне. Меня зовут Андреем. Я дежурю до утра. Счастливого оставаться!

И ушел, оставив молодых матросов одних. Леша сел на матрас и осмотрелся. Рядом с ними были не только молодые, но и старослужащие. Леху охватило беспокойство.

«А вдруг тут будет то же самое, что и на „Котельникове“? – подумал он. – Так же будут бить и унижать?»

Но на них никто не обращал внимания. Кто-то читал, кто-то спал, другие просто лежали и смотрели в потолок. И Леша понял, что никому нет дела до двух вновь прибывших духов. Осмелев, он предложил Ивану прогуляться по кораблю. Иван охотно согласился, и они направились на верхнюю палубу.

Они вышли на шкафут и закурили. Там кроме них было еще несколько моряков. В процессе разговора с ними Алексей с Иваном узнали, что завтра рано утром корабль выйдет

в море. Но прежде чем попасть в Средиземное море, они пройдут проливы Босфор и Дарданеллы.

А после проливов корабль направится в Сирийский порт Латакия. Там сейчас стоит на рейде флагман эскадры КРУ (крейсер управления) «Жданов». Куда, собственно, и должны прибыть Леха с Иваном.

Узнав об этом, молодые матросы чуть было не запрыгали от радости. Они первый раз в жизни увидят за границу. Да еще какую – Турцию и Сирию. Про эти страны даже Леха слышал, когда смотрел у соседей по телевизору (у Алексея его не было) программу «Время». Там эти страны упоминали довольно часто, он и запомнил их названия. После перекура Леха с Иваном в приподнятом настроении спустились в трюм. С трудом найдя свои матрасы, они плюхнулись на них и погрузились в раздумья.

Алексей представлял себе, как он рассказывает друзьям о Сирии и Турции. А они, открыв рты, слушают его, не перебивая.

Иван в мыслях сидел за столом в своем доме и рассказывал гостям, какое вкусное вино в этих странах.

Но, к сожалению, усталость взяла верх и, в конце концов, ребята заснули. Они так крепко спали, что пропустили обед и проснулись только перед самым ужином.

После ужина к ним в трюм спустился Подплето посмотреть, как устроились его подчиненные. Осмотрев место дислокации моряков, произнес:

– Ну, ничего, в тесноте, да не в обиде. Придется несколько дней потерпеть.

– Потерпим, товарищ мичман, – ответили моряки.

– Если у Вас возникнут вопросы, то приходите ко мне в каюту. Она находится в надстройке, номер 37. Найдете или показать?

– Найдем, – ответил Иван. – А если что – спросим у вахтенного.

– Молодцы! Завтра мы выйдем в море, и я хочу попросить вас во время перехода каждое утро после завтрака отмечаться у меня в каюте. Договорились?

– Так точно, товарищ мичман, – ответили моряки.

– Отлично! Теперь отдыхайте, по кораблю не болтайте, чтобы не мешать погрузке!

А завтра утром жду у себя, – дал указания Подплето и направился к выходу.

Вечером, после отбоя, Леха долго не мог заснуть. Он очень переживал. Алексей никогда в жизни не выходил в открытое море. Но слышал, что там люди болеют морской болезнью. Что такое морская болезнь, Леха, естественно, не знал, но заразиться боялся. А вдруг она неизлечима, и он умрет, так и не добравшись до эскадры? Эти страшные мысли не давали ему заснуть. Он долго ворочался с бока на бок, пока, наконец, размышления не перешли в глубокий сон.

2

Леха проснулся рано утром. Палуба вибрировала под ним, а в трюме раздавался непонятный гул. Сквозь шум очень отчетливо из трансляции доносилась песня Юрия Антонова «Море, море – мир бездонный». Леха разбудил Ивана и спросил его:

– Что это за гул такой?

– Не знаю, – протирая глаза, ответил Пэдуре. Но сидевший рядом с ними матрос, услышав их разговор, сказал:

– В море вышли, а это машина так громко работает.

– В море? – не скрывая удивления, воскликнул Алексей. – Иван, пошли скорее на шкафут, посмотрим.

– Пошли, – воскликнул Иван и стал одеваться.

Они выбежали на шкафут. У борта стояла толпа зевак, состоявшая из таких же молодых матросов. Друзья протиснулись между ними, чтобы посмотреть на море.

Леха никогда не был в открытом море и представлял, что волны там огромного размера. А корабль будет качать так сильно, что трудно будет устоять на ногах. Да и еще эта неизвестная морская болезнь.

Но, взглянув на гладкое море и не ощутив ни малейшей качки, Леха очень удивился.

– Оказывается, не так страшен черт, как о нем говорят, – сказал вслух Алексей.

– В смысле? – спросил Иван.

– Я думал, что корабль будет сильно качать в море, а оказалось совсем не так.

– Если честно, я тоже боялся открытого моря, но только тебе не говорил и всю ночь почти не спал, – признался Иван и зарделся. Признание рассмешило друзей, и они засмеялись.

И это веселое настроение не покидало их весь день. Погода была отличная, Леха с Иваном все время находились на верхней палубе, любуясь морским пейзажем. Они радовались всему: пролетавшей чайке, кораблю, проходившему мимо – все это было впервые в их жизни. Таких новых ощущений они не испытывали уже давно. Поэтому, едва пообедав, снова бежали на шкафут. Так прошел весь первый день молодых моряков. К вечеру они усталые спустились в трюм, расстелили матрасы и мгновенно заснули. Не только сильная усталость заставила их уснуть, но еще новость о том, что утром они будут проходить проливы и, если повезет, своими глазами увидят турецкий берег. А чтобы ускорить встречу с Турцией, ребята старались побыстрее заснуть. В конце концов им это удалось.

3

Наконец наступило долгожданное утро. В трюм ворвалась песня Аллы Пугачевой «Миллион алых роз». Она раздавалась из «трансляшки» так громко, что разбудила всех спящих. Проснувшись, Алексей понял, чем отличается гражданский корабль от военного. На военном корабле каждое утро играют одну и ту же песню, а на гражданском новое утро начинается с новой. Это открытие подняло ему настроение, и он с гордостью поделился им с Иваном.

На что Иван пробурчал что-то непонятное на своем родном языке. Затем после небольшой паузы сказал Лехе:

– Пошли завтракать.

От завтрака Леха отказываться не собирался, поэтому с радостью принял предложение друга.

После завтрака друзья пошли отмечаться у мичмана Подплето. Когда они зашли в каюту, мичман сидел за столом и читал. Оглядев моряков, он похвалил их за дисциплинированность. Потом дал указания, чтобы во время прохода проливов они находились на надстройке (верхняя палуба) и никуда больше не отлучались. А главное: не бросали в воду посторонние предметы и не пользовались туалетом – это запрещено.

Услышав от моряков его любимое «Так точно», он отпустил их. Едва Леха с Иваном ушли, мичман взял в руки книгу (это был устав) и задремал. Когда Подплето хотел заснуть, он всегда читал устав. За все свои годы, проведенные на флоте, у него не было лучшего снотворного, чем Военно-Морской Устав.

Пока мичман наслаждался сном, Алексей с Иваном с нетерпением ждали встречи с Турцией. Они провели на верхней палубе все утро, стараясь не пропустить появление турецкого берега. Терпение их было вознаграждено. Около двенадцати часов дня Алексей первый увидел, как сквозь дымку на горизонте показалась едва заметная черная полоска.

– Смотри, Иван, что там? – обратился он к другу.

– Я думаю, это земля! – не скрывая радости, ответил Иван. – Точно, Турция!

– Ух, ты! Как в сказке! – восторженно крикнул Леха, не обращая внимания на рядом стоящих моряков. Удивлению его не было предела.

Но наш герой не учел тот факт, что рядом с ним стояли не простые моряки, а годки. А годки – они и в Северной Африке годки. Поэтому, после недолгого визуального осмотра одним из них Леха и Ивана, матрос подошел к морякам и спросил:

– Караси, вы первый раз в море?

– Да! – ответили друзья.

– А вы разве не знаете, что у каждого моряка в море должен быть свой спасательный жилет?

– Нет, не знаем.

– И вам их никто не выдал?

– Нет, – ответил Леша.

– А если корабль перевернется, что будете делать?

И не дожидаясь ответа, продолжил:

– У меня есть в запасе два жилета, я их вам подарю. Пойдем со мной.

Леха с Иваном двинулись за ним. Вслед, улыбаясь, двинулись и все остальные годки.

Годок долго водил молодых по кораблю, пока, наконец, не завел в какое-то темное помещение с открытым иллюминатором. У переборки Леша заметил ведро с привязанной к нему веревкой. И тут молодые почувствовали что-то неладное, потому что следовавшие за ними матросы встали возле входа и закрыли его собой.

Лешу мгновенно охватило чувство беспокойства. То беспокойство, которое он постоянно испытывал на «Котельникове».

Тем временем годок, который их привел, взял в руки веревку с ведром, повернулся к духам и сказал:

– Я хочу вас поздравить с первым выходом в море! А чтобы вы почувствовали себя настоящими моряками, у нас на флоте есть традиция. Каждый моряк, впервые вышедший в море, должен выпить плафон морской воды. Но предупреждаю, что выпить его надо, не отрываясь губами от него и не разлив ни капли. Если нарушите эти правила, будете пить еще один.

После этих слов он взял ведро и, держа за конец веревки рукой, кинул его в открытый иллюминатор, потом вытащил, наполненное морской водой. Другой матрос моментально достал откуда-то плафон и протянул к годку. Тот наполнил его до краев и передал Лехе. Алексей с ужасом посмотрел на сосуд с морской водой. Он тянул примерно литра на два. Столько воды Леха ни разу не пил, тем более соленой. Но отказаться сейчас не смог. Не рискнул.

Поэтому послушно взял емкость в руки и поднес к губам.

– Mamочка, родная, помоги мне, – прошептал Леха...

Первые несколько глотков прошли хорошо. Но затем стало нестерпимо тошнить. У него было одно желание – выбросить этот противный плафон вместе с водой к чертовой матери. Но страх, что придется еще раз пить эту гадость, удержал его от этого «смертельного» шага. И он все-таки выпил его до дна, не разлив ни капли. И даже услышал восторженные поздравления годков.

Затем настала очередь Ивана. Он взял плафон и стал пить. Ему оставалась пара глотков, когда из плафона на палубу упало несколько капель. И, естественно, годки этого не могли не заметить. Тут же был налит второй плафон, и годок с радостью преподнес его Пэдуре. Ивану пришлось снова пить. Он сделал это с большим трудом, и во второй раз на палубу не пролилось ни одной капли.

Годок, который привел их, подошел к ним, похлопал обоих по плечу и сказал:

– С этого дня вы стали настоящими мореманами, то есть моряками. Поздравляю!

И пожал им руку. Затем то же самое проделали остальные моряки. После поздравления годки направились к выходу.

Леха с Иваном остались одни. Животы у них вздулись, а от вкуса морской воды тошнило. Единственное, что заставляло их удержаться от рвоты, это гордость за себя – они стали настоящими моряками.

Правда, вскоре Иван об этом забыл, все-таки два плафона морской воды не смогли спокойно находиться в его натренированном вином желудке. Через пару минут после ухода годков он подбежал к иллюминатору и его вытошнило. Но гордость осталась.

Придя немного в себя, ребята вспомнили, что впереди их ждет встреча с иностранным берегом. Они поднялись на шкафут. Там уже шло приготовление к проходу проливов. Все корабельные матросы были одеты в спасательные жилеты. Боцман как всегда, орал на них. Была обычная рабочая атмосфера на корабле.

И тут к Ивану с Лехой подошел Подплето.

– Что вы тут делаете? Я же говорил не шляться во время прохода проливов! А ну марш на надстройку, и чтоб оттуда никуда, пока в Средиземку не войдем! Ясно?

– Так точно, ясно, товарищ мичман! – ответил за всех Иван.

– А ты молодец, понимаешь службу, – улыбаясь, похвалил его Подплето.

Когда матросы поднялись на надстройку, там было уже много народу. В основном это были молодые матросы, которые, как и Леха с Иваном, направлялись на свои корабли, к месту службы. Ну и для поддержания дисциплины находилось несколько офицеров и мичманов.

Иван и Леха встали вдоль леера (поручень). Первое, что они увидели – это большой скалистый берег, который по мере приближения к нему корабля становился все больше и красивей. Потом появились первые турецкие дома, расположенные на склоне скал. Удивлению Алексея не было предела. Вот тут, рядом с ним, настоящая заграница, о которой он совсем недавно еще слышал по радио и которую видел по телевизору. А теперь это все в каком-то километре от него. Такое не приснится даже во сне. Корабль медленно входил в пролив, а Лехе казалось, что он парит над водой, как птица. Потому что туда, где сейчас он находился, могли долететь только птицы. Напрасно Алексей щипал себя, чтобы проснуться – это был не сон, это была реальность. Удивительно счастливая реальность, которая выпадает не всем. Чем заслужил Алексей эту награду от жизни, он не мог никак понять. Глядя на Босфор, на турков, проплывающих мимо них на маленьких лодках, Леха полностью забыл, где находится, и зачем он здесь. Ради таких счастливых минут он готов был вынести любые унижения, страдания и физическую боль. Его больше не мучило от морской воды – он был счастлив. И если бы не было рядом офицеров, Алексей обязательно бы закричал на весь Босфор: «Люди, я счастлив!»

Но рядом находились строгие надзиратели, которые не хотели рисковать своими погонами и карьерой. Поэтому они внимательно наблюдали за находящимся на надстройке морским составом. У одного из них Леха даже заметил кобуру на поясе. Это как-то немного охладило его радость.

«Интересно, – подумал он про себя, – если бы сейчас прыгнуть в пролив, успеет офицер его застрелить, или нет?»

После минутных раздумий, Леха пришел к выводу, что успеет. Поэтому мысль о прыжке моментально пропала, и он обратил свой взор к пейзажу. А там было, на что посмотреть. Их корабль проходил под огромным мостом. Рядом стоящий мичман громко сказал:

– Этот мост соединяет Европу с Азией.

Хотя Алексей не умел делить и умножать, он не был абсолютно тупым человеком. Поэтому, что такое Европа и Азия, примерно знал. Слава Богу, мичман показал пальцем на правый берег и сказал:

– Там Европа.

Где находится Азия, Леха догадался. Как только их корабль прошел мост, вдруг откуда-то появился большой красивый катер. Он приблизился к кораблю и стал двигаться параллельно с ним. На катере находилось два человека: рулевой и фотограф.

Рулевой вел катер, а фотограф фотографировал корабль.

– Зачем он это делает? – спросил Леха все того же мичмана.

– Это катер-шпион. Он нас фотографирует, чтобы найти нарушения прохода проливов. Если снимет, что мы выбрасываем отходы с корабля, пользуемся галюном или без якоря проходим, то Турция оштрафует нашу страну. Есть специальная инструкция для прохода проливов, кто ее нарушает, того и штрафуют. А так как мы социалистическая страна, то к нам подход особый. Нас стараются почаще штрафовать. У них капитализм загнивающий, а у нас социализм расцветающий, вот им и завидно, что мы лучше живем. Зависть, матрос, очень плохая штука. Тем более – капиталистическая зависть. Это еще Владимир Ильич говорил на съезде народных депутатов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.